

Министерство образования и науки РФ
Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Филологический факультет ТГУ
Совет молодых ученых ТГУ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Сборник материалов I (XV)
Международной конференции молодых ученых
(3–5 апреля 2014 г.)

Выпуск 15

Том 2: Литературоведение

Томск 2014

6. Там же. С. 273.
7. Здесь и далее текст оригинала «Времен года» приводится из источника: «The Seasons: By James Thomson ...» URL: <http://www.archieve.org> (дата обращения: 23.10.2012).
8. Карамзин Н. М. Избр. соч. М., Л., 1964. Т. 2. С. 17–18.
9. Там же. С. 15

А. Ю. НЕЗНАМОВА

Южный текст в творчестве А. С. Пушкина и А. А. Ахматовой

В статье освещается проблема творческих взаимоотношений Ахматовой и Пушкина в аспекте пространственных текстов на примере южного текста. При рассмотрении учитывается биографический контекст, анализируются ключевые для описания данного топоса лирические тексты авторов.

Ключевые слова: Ахматова, Пушкин, пространственный текст, Крым.

Юг занимает исключительно важное место в биографии обоих поэтов: для Пушкина это период южной ссылки и романтических поэм, когда он «переболел байронизмом», для Ахматовой — детство, ранняя юность и тоже своеобразная «ссылка» из Царского Села.

Здесь Пушкин обогатился новыми впечатлениями, соприкоснулся с южной природой, был свидетелем (и не сторонним наблюдателем, а горячим сочувственником) подготовки и крушения декабристского восстания, познал предательство друзей и игру роковых страстей.

Вдыхая с южным воздухом идеи романтического мироощущения, Пушкин использует романтический образ изгнанника и создает легенду об утаенной любви.

Если Пушкин в эпоху своих скитаний создает миф о себе, то Ахматова в своих воспоминаниях, написанных на склоне лет, «редактирует» уже существующий свой персональный миф, «переписывает» его.

Поэтому неоднозначна ее оценка Крыма в разных текстах. С одной стороны, есть «Мнимая биография», в которой видно стремление «приуменьшить» роль Юга в ее жизни, того Юга, который видят другие: «... все считают меня украинкой. Во-первых, оттого, что фамилия моего отца Горенко, во-вторых, оттого, что я родилась в Одессе и кончила Фундуклеевскую гимназию, в-третьих, и главным образом, потому, что Н. С. Гумилев написал: «Из города Киева, // Из логова змиева // Я взял не жену, а колдунью...» (1910). Та же А. Ахматова скажет: «Херсонес — главное место в мире». Это ее собственный, внутренний Крым. Впечатлениям детства посвящен отдельный отрывок «Дикая девочка». «Языческое детство» — запишет Ахматова, обозначив натурфилософскую доминанту этого образа. Тема дикой девочки найдет выражение и в стихотворениях.

Можно выделить, как минимум, три принципиальных стихотворных текста, рисующих Юг Ахматовой. Это «Вижу выцветший флаг над таможенной...» (1913), «Вновь подарен мне дремотой...» (1916) и «Здесь Пушкина изгнание началось...» (1927). В первом снова обозначена тема «дикой девочки» — «приморской девчонки» — природность Юга в контрасте с тлетворным влиянием Севера — Петербурга: «Вот уж сердце мое осторожней // Замирает, и больно вздохнуть», «И не знать, что от счастья и славы // Безнадежно дряхлеют сердца». Эта тема уводит к линии «Кавказского пленника», «Цыган», а затем и «Евгения Онегина», «Героя нашего времени» — произведений, непосредственно связанных с южно-русским топосом.

Второе, несомненно, тоже пишется с памятью о традиции — можно ли говорить о Бахчисарайском фонтане так, будто не существовало пушкинской поэмы?

Потому возникает здесь и Царское село, знаковые для пушкинских текстов детали («И орла Екатерины // Вмиг узнали — это тот»). Вероятно, именно в связи с этим появляется «осень» — не только отражение реального времени года, но и любимое время Пушкина, да еще и с его «знаковым» эпитетом «смуглая» — это цвет кожи Пушкина, самой Ахматовой и ее Музы.

Третье стихотворение прямо ориентировано на литературную традицию и показывает топос именно через призму ее восприятия. Юг для Ахматовой — не только Пушкин, но и, конечно, Лермонтов. Демонизм соплагается со свободой — Демон изображен на лоне природы, где «горных трав легко благоуханье». И это, несомненно, рефлексия на тему «свободны-неволи», изгнания — традиционно романтических понятий. Пребывание Пушкина на Юге, помимо краткого, но плодотворного пребывания в Крыму и на Кавказе, контрастно делится на два совершенно различных периода: Кишинев — связанный с деятельностью декабристов, где Пушкин ощущал себя политическим заговорщиком и изгнанником и многолюдная Одесса, напоминавшая большой свет, Петербург и вновь открывшая Пушкину широкий круг знакомств. Одесса была почти Европой. Здесь Пушкин вживую прикоснулся к итальянской культуре в различных ее проявлениях. Это было, во-первых, живое звучание итальянского языка, затем — опера, и наконец, через любовь. Кроме того, с точки зрения чисто литературных связей, здесь впервые можно найти у Пушкина упоминания о Данте (в дневнике он записывает слова Франчески: «Ed ella a me: nessun maggior dolore, che ricordarsi del tempo felice nella miseria»). Эпитеты «дикий» и «суровый», применяемые Пушкиным к Данте и к поэту вообще — где, как ни здесь, на фоне величественной и бурной южной природы, мог он почувствовать и себя в этих эпитетах?

Пребывание на Юге связано для Пушкина и с другой поэтической

фигурой — Овидием, который когда-то отбывал ссылку здесь же. Это было важно для формирования поведенческого текста «опального» поэта: контрастное сопоставление — Овидий, сосланный Октавианом и Пушкин, сосланный Александром I, вообще же романтическая маска изгнанника постоянно колеблется между «беглецом» и «изгнанником».

Помимо стихотворений и «восточных» поэм, впечатления этого периода отразились в «Евгении Онегине», где в описании Одессы подчеркивается автобиографичность в форме воспоминаний.

Пушкин стал наблюдателем событий, по-своему судьбоносных для России и Европы: разгром южнодекабристского движения, революций в Италии, Греции. Пришло разочарование не только в революционной борьбе, но также в дружбе, а затем и в любви: Пушкин увидел вероломство и в том, и в другом виде человеческих взаимоотношений. Впору стать и самому разочарованным демоном или Чайльд-Гарольдом. Один из самых важных в творчестве концептов «свобода-неволя» особенно актуализируется в этот период.

Свобода у Пушкина получает не только политическое истолкование, это и свобода внутренняя, она связана с понятием Рока, что находит отражение в природных образах, в ключе романтической эстетики. Особую значимость получает образ моря («Погасло дневное светило...», «К морю»).

В последнее время в литературоведении утвердилась мысль о том, что пейзажи Крыма стали вещественным «субстратом» для формирования имагологического образа Италии, одной из основных отличительных характеристик которого является южная природа. Впервые этот тезис прозвучал в работе итальянской исследовательницы Ады Биолатто Миони, затем был принят отечественными учеными (П. Н. Берков, О. Б. Лебедева и др.), что подтверждается многочисленными, в ряде случаев почти дословными совпадениями стихотворения «Кто знает край...» (1828), рисующего идеальный образ Италии, со стихами о Крыме.

Устойчивые сигнатуры итальянского пейзажного текста — небо, море, растительность (лавры и кипарисы), описанные особым образом, неизменно повторяются в стихах о Крыме.

Посмотрев на эти стихи, мы можем увидеть, что почти всегда в них в той или иной форме присутствует воспоминание о Севере, скрытое или явное сравнение. Иногда Пушкин вводит его со специальными целями, стремясь подчеркнуть свой романтический статус «беглеца», как, например, в элегии «Погасло дневное светило...»:

*Искатель новых впечатлений,
Я вас бежал, отечески края;*

Так или иначе, Юг всегда воспринимается Пушкиным на фоне Севера (а это может быть как Петербург, так и любое другое место, это

символ России вообще). Как сказал кто-то из исследователей, Пушкин, даже когда пишет о Петербурге, словно бы смотрит на него с какого-то Юга.

Та же тенденция прослеживается у Ахматовой в уже упомянутом стихотворении «Вижу выцветший флаг над таможей...». Кроме того, в стихах, посвященных итальянским впечатлениям (в отличие от пушкинских, основанных на собственном опыте), тоже появляется сопоставление с Петербургом (скрытое, как в стихотворении «Венеция»), или полускрытое (как в стихотворении «Долго шел через поля и села...») или же прямое соположение в один ряд (как в «Голосе памяти»).

Таким образом, имеются существенные точки соприкосновения в восприятии Юга Пушкиным и Ахматовой, однако этот вопрос недостаточно освещен в литературоведении. Данную статью можно считать попыткой отчасти восполнить этот пробел.

К. К. ПАВЛОВИЧ

Роль психофизиологических факторов в живописании морских пейзажей «Фрегат «Паллады»

И. А. Гончарова

В работе выявляется роль психофизиологических факторов, влияющих на создание и изображение морских картин в книге путевых очерков И. А. Гончарова. Данный подход применяется к морским пейзажам «Фрегата «Паллады» впервые.

Ключевые слова: психофизиология, пейзаж, море.

Исследуя изображение морских пейзажей И. А. Гончарова, следует учитывать различные факторы и обстоятельства, при которых они воплотились в словесную форму. С какой целью повествователь отправляется в море, как он чувствует себя на борту фрегата, в каком настроении находится, что его волнует, радует, огорчает, как он воспринимает увиденное — на все эти вопросы можно найти ответ в книге очерков «Фрегат «Паллада». Психофизиологические факторы важны для раскрытия особенностей художественного приема — живописания. Психофизиология — область науки, пограничная между психологией и физиологией организма. В психофизиологии изучаются преимущественно связи, существующие между психологическими явлениями и физиологическими процессами, происходящими в организме и мозге человека¹.

«Психофизиологическое» раскрывает глубинные импульсы, из-за которых происходит влечение к морской стихии. На особую роль психофизиологического в исследовании пейзажа указывает В. Н. Топоров: «Присутствие «психофизиологического» компонента в виде определенных его следов в самом «поэтическом» тексте открывает удивительные воз-